Алиса и Алик... Алик и Алиса... За что вам кара?

Накопленных денег уже хватало на внедорожник, к которому они примерялись; еще и осталось бы залатать бреши прохудившейся жизни: подкормить ее, отощавшую, освежить курортом после изнурительной экономии. Банковская ячейка усердно копила валюту, но три последних месяца... Теперь в этих тратах было столько же смысла, как в поливе яблони, у которой гниют корни.

Три месяца назад, на всякий случай, Алисе предложили сдать анализы и спать спокойно. И сна не стало.

Одно могло помочь: билет до той старой европейской клиники, единственной, где эти анализы не посчитали приговором, а шансов на излечение дали больше половины и подтвердили живыми людьми. Накопленной суммы, плюс совсем немного залезть в долги, хватало на курс лечения. Однако... в один день, без предупреждений, по мановению высших чинов, хрустящая валюта превратилась в разноцветную хрустящую бумагу. Что-то чины проворонили, не справились. Что? Какая в том разница Алику и Алисе... Валютные счета заморозили, обменники опечатали, и, скорбя над населением, телевизор уверил: проблемой занимаются, потерпите — год, не больше.

Врачи давали от силы шесть месяцев.

* * *

— Эту? — уточнил продавец, встав под вытянутой, как готовая сорваться капля, вазой.

Вся из колючих хрустальных искр, она была самой красивой и самой дорогой, но оба сошлись на ней не сговариваясь: пусть — пусть сверкает, пусть помнят, что живы, что надо верить.

— Тяжелая какая. — Алиса покачала вазу в руках. — Такую, наверное, и не разбить.

— Разлетится вдребезги, — считая сдачу, вставил продавец, — аккуратнее.

Купили цветов. Алик с радостью отметил, что лавка круглосуточная: работы валом, возвращаться приходится поздно, а цветы теперь нужны каждый день. Ваза встала на подоконник кухни; негласно кухню любили больше: тут и кино смотрели, и друзей принимали. Хрусталь раскинул по оконному проему осколки радужного света.

Поужинали, посмотрели, что было смешного в закладках, согрелись в постели, но сон не шел. Алик бы и уснул — дрейфовал на грани, мысли ныряли одна в другую, но рукой, обхватившей Алису, чувствовал, что та глаз не смыкает.

— Алик.

— М?..

— Спишь?

— Нет.

— Я тут подумала...

И умолкла — томись, жди.

— Что?

— Ничего. Спи.

Минуту лежали молча.

— Обними меня крепче.

Алик прижался, уткнулся носом в ее волосы.

— Умру, а ты будешь других обнимать... Не забывай меня.

— Перестань.

— Обещай, что не забудешь?

— Прекрати.

Из прихожей послышалось, как хлопнула соседская дверь; на кухне капала вода. Алиса вздохнула:

— Тебе тридцать пять. Влюбишься снова. Ты сильный, красивый.

— По уши влюбленный, — пробурчал Алик.

— Это пройдет. Я читала — от месяца до года.

— Нам же сказали выкинуть из головы все такое.

— Выкинешь...

Алик сжал ее сильнее, отыскал губами ухо Алисы, запустил ей под майку руку и накрыл грудь, сдавив сосок меж пальцев.

— Просто обещай, что будешь вспоминать — я большего не прошу.

— Это не про нас. Не — про — нас, — разделяя паузами, уверил Алик. — Перестань думать об этом.

— Все равно думаю.

— Упрямая какая, — с жаром прошептал Алик, спуская руку ниже.

И полчаса спустя на кухне капала вода. То угасая, то накатывая, похожий на прилив, с улицы несся шум дороги; временами кто-то сворачивал к подъезду — холодный блик, вытягиваясь, огибал потолок. Алиса лежала и считала их; на пятом не выдержала:

— Алик.

— М...

— Ты спишь?

— Угу.

Вздохнула:

— Ладно, спи. Извини.

Алик уткнулся в ее шею.

— Завтра, — прибавила Алиса.

Минуту спустя он не выдержал:

— Что ты хотела?

— Я думала, ты спишь.

— Спал.

— Извини, — сжала его руку. — Заснуть не могу.

— Снотворного больше нет, — бессильно выдохнул Алик.

— Дурак. — Алиса хлопнула его по руке, но прижала к груди крепче.

— Хотя можно наскрести.

— Перестань. Я серьезно.

— Ну?

— Когда проезжает машина, по потолку так красиво свет летит.

— М...

— Вода капает.

— Я завтра починю.

— А мне нравится.

— Не буду.

Алиса недовольно отняла от себя его руку и сунула назад.

— Спать так хочется, — взмолился Алик.

— Спи.

— А ты не хочешь?

— Какая тебе разница, что я хочу.

— Я никакой.

— Спи, блин. Только одно можешь.

Теперь Алик считал блики на потолке. Алиса ворочалась, не оборачиваясь к нему — давала понять, что не спит. На третей машине он заговорил:

— Ну, извини... Ну, правда...

Обнял.

— В следующей жизни буду лесбиянкой, — отозвалась Алиса.

— Это еще сколько ждать.

— А ты орангутангом.

— Почему?

— Потому что для тебя это эволюция.

— Ладно... буду.

— Будешь скакать по деревьям, вонять, укать и весь во вшах.

— У...

— А я — пить с любовницей и курить через мундштук.

— С любовницей лучше, — вздохнул Алик.

— Какой же ты придурок... — пожаловалась Алиса.

Еще один блик обогнул потолок, и свет его показался ей лунным.

— Луна пролетела, — тихо доложила Алиса.

— А?

— Алик, когда я умру и эта фигня с валютой кончится — возьми все деньги себе. Хорошо?

Алиса замолчала, и все звуки для Алика провалились.

— Что?

— Мы не говорили... Просто я хочу, чтоб это было не как получится, а как мы решили. Понимаешь? Они и так будут твои. Просто, надо поговорить — так правильно.

— Не буду ничего говорить.

— Почему?

— Не буду, и все.

— Как ребенок.

— Да, как ребенок.

— Мало ли — ты их в фонд какой-то отдашь, а там растащат. Пусть хоть тебе помогут. Я как лучше хочу.

— Все, проехали.

— Люди потому и люди — мы отдаем и принимаем, когда надо, а не когда хочется.

— Вот и прими мое молчание.

— Алик... Мы об этом будем молчать до самого конца. Это неправильно. Ты согласен? Ответь мне.

— Не буду.

— Почему?

— Потому.

Алиса сжала его руку, хотела что-то сказать, но другой рукой Алик закрыл ей рот.

На кухне капало, за окном гудел прилив — одна волна подкатила к подъезду. Алиса прислушалась, сняла руку Алика со рта и уставилась в потолок:

— Смотри — сейчас опять пролетит.

— Кто?

* * *

Разговором этим обоих контузило: теперь и молчали, и говорили, и даже смеялись сквозь пелену. Прижимаясь, Алиса отводила лицо — губы ее давались лишь в нежной борьбе; касаясь Алисы, Алик не слышал всегдашнего отклика, словно ей разонравилось. Она ждала согласия насчет денег. Первый раз Алик не чувствовал за желанием Алисы каприза и первый раз не хотел соглашаться.

Устав, желая договориться о чем-то и ладно, она подступила сама, но по старым рельсам сразу выкатила на тот же вопрос. Алик не меньше хотел разрешения, но по инерции ответил тем же отказом.

— Уперся как баран, — вспыхнула Алиса и ушла.

Спали, повернувшись друг к другу спинами: он первую половину ночи, она вторую. Алиса мучилась, как уйти от вопроса, Алик — маялся с ответом. Полночи ей грезилось, что благим намерением пустила трещину, что в трещину сквозило, и заткнуть ее мог лишь ответ — уже какой угодно. Хотя вариантов Алиса не представляла: то, что она предложила, было не просто единственно разумным, а, пожалуй, единственно возможным вообще.

«Фондам не верю... Маме и так оставлю... Зачем спрашивала? Зачем?..» — печалилась Алиса, но чем-то глубже ума знала, что не смолчала бы на эту тему.

Уснула, когда проснулся Алик. Под окнами, осветив потолок, проехала машина, и Алик вспомнил, что это луна. До утра он оправдывал свои отказы все тем же козырем, но чем ближе к рассвету, тем больше сомневался. В конце концов, согласится было не просто самым разумным, а, пожалуй, единственным: «Че уперся?.. Реально баран...»

К утренней заре, подавляя тылы сомнений, логика наступала с новых флангов: теперь Алик был обязан согласиться хотя бы потому, что в какой-то степени это была последняя воля Алисы; он же своим «нет» трепал нервы — сейчас, когда следовало экономить малейшие силы.

* * *

— Во сколько тебя ждать? — Алиса оперлась плечом о шкаф в прихожей, зевнула. — Может, пораньше?

Алик зашнуровал ботинки, распрямился, не выдержал и тоже зевнул.

— Не выспалась?

— Погода дурацкая.

— Я тоже не спал.

— Чего? — по-детски кривя голос, спросила Алиса и обвила Алика под курткой, пока он не застегнулся.

— Слушай... Я подумал...

На кухне капнуло.

— Я... в общем, согласен. И не будем больше. Хорошо?

Глаза Алисы раскрылись, но сон из них не ушел, и потому, раскрытые, они казались страшными. Только Алик их не увидел — к прощальному поцелую она успела улыбнуться.

— Все нормально? — вгляделся Алик. — Ты как будто не рада.

Она боднула лбом его грудь — снова, без всяких улыбок, в глазах застыло стекло.

— Устала я, правда устала.

Он и отпросился, и все пробки перехитрил, и белых роз с ирисами купил — ее любимых: приехал-таки раньше обычного, но Алисы дома не оказалось. Другая, знакомая лишь лицом и домашней одеждой, всклокоченная, напуганная, поджидала его, чтоб увлечь в свое отчаянье:

— Не знаю, Алик... не знаю... не трогай меня...

Он не трогал.

— Пожалуйста — ешь, мойся, делай что хочешь... Нет, не буду говорить — поговорили уже...

Цветы легли поперек стола, пустая ваза смотрела на них с подоконника.

— Я не устала... Хватит!.. Просто это... невыносимо... Не лезь — не лезь ко мне...

Алик сел в углу подоконника, сплел на груди руки и приложил закипающий висок к холодной стене.

— Я тоже не понимаю... тебя главным образом... При чем здесь деньги? Плевать... Вечно выставляешь, что все из-за денег...

Отпихнула его руки.

— Да, запуталась, да, да! Ты думал вообще, как я живу эти месяцы?

Кран плакал, роняя слезы на грязную посуду. Омыв лицо, Алик не стал вытирать его, чтоб холод держался подольше.

— Теперь?.. Не знаю, что теперь... Я ж ни черта не понимаю... никчемная, тупая... мне только деньги... Что?! Забыть? Как ты это представляешь?.. Ниче не вернется... башкой надо было думать...

— Так я был прав? — не выдержал Алик, преграждая Алисе дорогу. — Не надо было соглашаться.

— Да, блин... Был! Но какая теперь, пофиг, разница. Я не врубалась. Я только сейчас поняла — ты до последнего должен был отказываться. Все бы и так было твоим — и делай что хочешь: дари, трать на шлюх, жертвуй — пофиг, но пока я жива, ты должен был говорить — нет! А ты сказал «да», и это значит — я умру.

* * *

Спустя неделю она попросила его съехать.

Дала позавтракать, встала провожать у стены прихожей, но руки скрестила на груди и вытянулась иглой. Он заметил: мелкий ток загулял под кожей. Алиса готовила его, так что слова, из которых пунктиром выделилось: «знаешь... съехать... тебе легче... на время... запуталась...» — не гремели в ясном небе.

Захлопнув дверь, Алик с облегчением выдохнул, но пока ехал до работы, легкость сменилась пустотой, а пустота к обеду обернулась холодом. Тогда же от Алисы пришло СМС — чтоб он собрался спокойно, вечером она уйдет к подруге. Набив машину сумками, он отписал: «Уехал, можешь возвращаться».

С подругой, усевшись на ковре между диванами, Алиса держалась необычайно живо: хохотала, пила больше обычного. Подруга, не мудрствуя, решила, что Алиса сбросила Алика как балласт и оттого взмыла — известное чувство. Она ошибалась. Откуда ей было знать, что с уходом Алика та самая эйфория лавиной спала, оставив голую боль, но заплаканной, вдавленной в кресло Алисе пришли удивительно хорошие результаты очередных анализов. Не выпуская телефона из рук, она надолго озадачилась — как понимать эти убывающие цифры, часть которых уже не была помечена красным.

Окрыленная, Алиса проглотила свои таблетки, записалась на прием и, пока варила кофе, договорилась на вечер с подругой.

Между тем, учуяв добычу, думы вились над ней — чудные, диковатые, месяц назад Алиса гнала бы их как суеверный бред. Но сейчас не связать эти два события — решение по поводу отъезда Алика и результаты анализов — было невозможно. Сильная рациональным умом, за что нередко именовалась мужиком в юбке, Алиса отметала эту мистическую связь, но на нее работало время — секунды капали в одну точку, в одну чудовищную мысль, и к вечеру Алиса уверилась, что такие совпадения неспроста.

Ведь сразу, сразу пошла на поправку. Позавчера она решила и два дня собиралась сказать Алику, но анализы сдала именно позавчера.

Да неужели?!

Даже дивный хрусталь вазы теперь смотрелся зловеще — искры света замерзли.

Подруге Алиса и словом не обмолвилась; даже от мамы решила держать в тайне. Могли и анализы перепутать; да что угодно — ей и самой не следовало распалять надежду.

Но первым, от кого хранилась тайна, был Алик. Со временем, утомленная его расспросами, Алиса сочла, что он больше вид делает, чем переживает. Однако сколько требовалось смекалки, как тщательно готовились ответы, чтоб не рождать вопросов, чтоб не просвечивала правда; и чтоб не допускалась ложь — врать открыто, что лучше не становится, Алиса боялась — не накликать бы снова беду.

Чего она не могла скрыть — жизнь расцветала, точно майский лес.

В «Фейсбуке» зачастили отчеты о встречах с подругами: выставки, парки, но чаще бары. Еще явственнее Алик слышал эту весну в телефонном голосе Алисы и даже видел через убогий скайп. И эта весна губила их. Алиса уж не звонила, порой и трубку не брала, оправдываясь, если считала нужным, плохим самочувствием. Эсэмэски ее иссохли: вернется, бывало, смайлик, и тот кислый. Из ленты «Фейсбука» Алик узнал о переезде ее родителей — значит, обошлись без его помощи.

Как он ни добивался встречи — впустую: годовщина, долгожданный концерт, да просто выйти в теплый вечерний город — она уж не ссылалась на самочувствие, а скупо заявляла — не хочет. Короткие созвоны полнились прежними, давно прощенными, обидами... Он был виноват по новой.

С тоской Алик предвкушал разговор о деньгах: отношения распадались, а доступ к банковской ячейке у обоих. Неужто пришло время делить?

Понимая, что ответа нет, и отговаривая себя даже заикаться, он все же спрашивал ее: сколько ждать? Она знала, что он не может не спрашивать, и все равно злилась.

В очередную пятницу, придушенный и офисом, и заботами с машиной, и матерью, которой их разлука с Алисой не давала покоя, Алик поехал на их квартиру без приглашений — тянуть и дальше не было сил.

Но случай щедр: покупая розы с ирисами в их круглосуточной лавке, Алик увидел Алису выходящей из магазина — тайное преимущество толкнуло идти следом. Не хотел Алик встречи у супермаркета: он — с только что купленным букетом, она — с сумкой продуктов. И потом, в секунду, только увидел ее — понял: пусть зайдет в дом, расслабится; пусть, вдобавок, он убедится, что она никого не ждет. Жили они на втором этаже, у фонаря: при желании их было видно, как кукольный театр.

От магазина до дома тянулась аллея — по спине Алисы текли тени деревьев. В вечернем, еще прозрачном небе, висела долька луны. Алик смотрел на нее, и ему казалось, будто с заднего сиденья машины он видит боковое зеркало и лицо Алисы, сидящей спереди, отражается в луне.

«Последняя ваша поездка», — язвил страх, и Алик жал стебли цветов сильнее.

Он сел в углу детской площадки так, чтоб качели загораживали его от окон, а сам он мог наклониться и видеть и кухню с вазой на подоконнике, и комнату, наполовину скрытую тюлем. Вот распахнулась кухонная фрамуга, и на десять минут Алиса пропала, чтоб вернуться в халате — из ванной. Поужинав, ушла с кухни, и в синеве вечера стал хорошо заметен отблеск на потолке комнаты — включила ноутбук.

Алик сидел час. Если и она ждала кого-то — уж должен был явиться.

«Ничего он тебе не должен...» — дерзил страх.

И Алик написал ей: «Привет, ты дома?»

Луна уже вытягивала к его ногам тени качелей.

Ответ пришел не сразу, с минуту Алиса колдовала над ним: «Привет. Нет, я с девочками».

«Не хочет тебя... — констатировал страх. — Даже дура поймет, что ты хотел прийти — поняла и не захотела».

Еще час просидел Алик, покачивая маятником перевернутого букета: ждал, что неизвестный счастливец все же явится — не потому ли соврала? Еще можно было подняться к ней самому — поймать на лжи и... Добиться ровно обратного — доломать окончательно. Но главное, Алика давило, что она не в мелочи отказала, а сразу и навсегда во всем. Устав смотреть на немые окна, он сунул цветы в урну и пошел к машине.

* * *

Между тем анализы Алисы не просто становились лучше, а рисовали картину выздоровления. Не выдержав, она призналась маме, и обе счастливо поплакали, избегая и словом касаться надежды, точно обе держали по полному бокалу и, чтоб капли не пролить, дышали вполсилы. Уже и подруги заметили: смотрели на Алису, тая радость, но спрашивать прямо откладывали.

Одного Алика лишили и ответов, и вопросов, и самого шанса увидеть Алису. Зная, что его терпение дало предельную фору, Алиса тянула — боялась торопить волшебство, пока то не излечило ее окончательно.

И вот на очередном приеме коренастый врач с матовой плешью спустил на нос очки и недовольно повертел головой, изучая распечатки Алисы, точ-

но для приличия ей следовало поправляться медленнее.

— Барышня, — прозвучало почти как вопрос, — примите искренние поздравления. Полная ремиссия.

И посмотрел испытующе, будто не в рай отправил, а спросил: не ошиблась ли она в своем желании остаться в живых?

Алиса разрыдалась.

— Тише, тише, — ласково упрашивал врач, рассовывая листики по папкам. — Берегите слезы.

Бумажные платки быстро кончались.

— Так... Ну, через месяц все равно — контрольный. Пересдадите. Потом через два, потом через полгодика — терпите, барышня, нам с вами надо быть начеку. А сейчас, — врач уложил очки перед клавиатурой, — сейчас отдыхать, хорошенечко отдыхать. Только не под солнцем. Ага? Умеренный, спокойный климат, поближе к нам — в жару не надо. В санатории наши съездите — совок, конечно, но вам это лучше всего. Фрукты, воздух свежий, прогулки. Спорта не надо — пару часов в день погуляете — хватит. И главное, всем заботам строгое — до-сви-да-нья, че б там на вас ни висело. Договорились?

Алиса кивала и плакала.

— Ладно. Даю пять минут — приходите в себя, и буду звать следующего.

— Да-да, я сейчас...

Спустя минуту, не зная, чем себя занять, врач обмолвился:

— На самом деле, тенденция на поправку была еще в плохих анализах.

Алиса замерла с комком платка.

— С пациентами обсуждать не положено, были случаи — обнадежили, а не вырулило, как говорится, или сами дуреют — начинают себе позволять, чего нельзя. Потому сверху запретили.

— Ведь старые анализы были совсем плохие.

— Совсем, да не совсем. Иногда плохие показатели в комбинации говорят о поправке. Как раз ваш случай. Мы и с заведующим смотрели, и Лев Яковлевич согласен был, из соседнего корпуса — тоже по вашему профилю. Я грузить не буду, но тогда уже были намеки, что выкарабкиваетесь. Уж извините, что держал вас в неведении. Уволят, потом только в санитары. Я преувеличиваю, но о нормальной практике можно забыть. Только в частные.

Алиса и плакать забыла.

— Значит, еще до первого хорошего анализа было ясно?

— Сто процентов никто не даст, но так как у вас подтвердилось — можно предположить смело.

— И насколько раньше?

— За месяц где-то. Да вы как не рады.

— Нет, нет... Я...

— Не следовало вам говорить.

— Я просто...

— Вам о себе думать надо. Пережили, и слава богу. Не забивайте голову.

Алиса благодарно улыбнулась, еще раз промокнула глаза.

— Все, — врач встал, вынуждая и ее подняться, — значит, мы с вами договорились — отдых и через месяц контроль.

* * *

По аллее к дому Алиса шла медленно, как могла: эти прогулки, пока в городе царило тепло, были любимой частью дня: месяц — и хлынет непогода. Лишь однажды Алису лишили радости спокойно пройтись, хоть вечер благоволил, и сделал это не кто-нибудь — Алик.

Она сразу приметила его у цветочной лавки, но виду не подала: белые розы, синие ирисы и любимый бежевый пиджак Алика — три этих цвета, как один, мигнули ей из толпы. Но и Алик, увидев ее, не подал виду, а двинулся следом — по аллее до самого дома — Алиса проверила в зеркальце, пока шла. Справа, в еще голубом прозрачном небе, висела луна — одинокая долька; убирая зеркальце в сумку, Алиса подумала, что они с Аликом как в автомобиле — она, сидя впереди, видит его лицо в луне как в боковом зеркале.

Взволнованная слежкой, она подыграла, а заодно и соли добавила — когда пришло его СМС, подумала, что вранье поможет, расшевелит: к тому времени она уже устала смотреть на него из-за тюля. Перед сном, измотанная, как после болезни, Алиса зашла на кухню выпить воды — свет близкого к окну фонаря стыл в пустой вазе.

Сейчас, медленно продвигаясь по аллее, Алиса сомневалась, что разговор сгоряча мог быть удачным.

Тем более без слов врача, снявших злое заклинание.

«Нет, нет...
слава богу, что развело...
наговорили бы...
день еще...
день переварить, и позвоню...
сама...»

Подступал закат. И ветер гнул деревья в его сторону, точно все, что днем питалось светом, теперь платило дань солнцу.

«Скорее бы луна, — томилась Алиса, — подружка моя...

...успокой...

...поговорим с тобой...

...решим...

...завтра же позвоню...»

Опуская глаза с неба, Алиса сошла по гребенке балконов до окна кухни, насаженного на фонарь, — под окном, руки за спину, бродил Алик.

Алиса слазила проверить телефон — не упустила ли чего: пусто. Внутри у ней потяжелело:

«Значит, сам решил...

...без предупреждений...

...и без цветов».

По лицу его, вблизи, стало ясно — отложить разговор хотя бы до завтра не выйдет. Волосы дыбились — верный признак, что на нервах: всегда, не замечая того, заглаживал их назад.

«Хотя бы день...» — взмолилась душа.

— Пойдем, — покорилась Алиса, когда он своим ключом открыл дверь подъезда и пригласил внутрь.

В квартиру вошли молча и молча разделись. Прежде такое кончалось постелью, теперь чаем на кухне. В безмолвном ожидании чайник закипал так долго и кипел так громко, что Алиса возненавидела его. Мысли путались, бледнели; и Алик отвлекал.

«Я час назад родилась заново...

...Алик...

...как ты умеешь все испортить...

...пожалуйста, не дави...

...ждать он устал...

...пожалуйста...

...не порти, все...»

Разлив чай по чашкам, она села напротив него и взглянула, как могла, нежно, как в те дни, когда он еще не согласился; захотелось пригладить его волосы, похожие на заледенелую щепу, но Алик, еще не уловивший перемены, сидел скованно, и она не посмела. Отводя взгляд с ее руки, лежавшей у его руки, он встал и заходил по кухне, как ходил у подъезда.

«Там уже копил... — поняла Алиса, — варился уже...

...проклятое солнце...

...без цветов...»

Алик примял волосы назад и покрутил головой, будто готовясь к драке.

«Ему бы хотелось приехать — дать любовнику по морде и свалить...

...навсегда...

...как голову в ведро с водой...

...живи, тварь, как хочешь...

...а приходится любить...

...мучиться...»

Забыв о чае, он кружил по кухне, как взаперти, и по тому, как смотрел вокруг, было видно, что эта кухня стала ему чужой. Словно не видя Алисы, он на разные лады твердил одно и то же:

— Ты что-то решила? Дальше тянуть невозможно.

В ее сумке, повисшей на стуле, звякнуло СМС; проверять было неудобно, а не проверишь — звякнет снова. Алик замер у стола, остановил взгляд на вазе, лицо смягчилось. Таким Алиса и любила это лицо, но ноги снова заставили Алика блуждать по клетке; напомнил, что ждет, и тем окончательно передавил.

«Надоело!..» — сверкнуло в уме Алисы.

Следом Алик сел и придвинул чашку, точно давая и Алисе возможность походить — расшевелись мысли. Хоть не хотела, принялась мерить шагами кухню, но это только отвлекало.

Звякнуло СМС.

«Достал...

...даже если не из-за него...

...что меняет?..

...меня бог спас...

...скорее бы ночь...

...как кошка с этой луной стала...

...замучает — потом чего-то хочет...»

Алик водил пальцем по ободку чашки. От подъезда донеслась музыка: бухало под наглый речитатив, и в такт ему, всплесками, летел гогот подростков.

«Дебилы...

...и рэп дебильный...

...чего он хочет с таким лицом?..

...расстаться?

...сейчас?»

Встав у окна, Алиса проводила взглядом ребят с колонкой, но засмотрелась на фонарь — тот быстро накалялся, а значит, скоро луна:

«Фонарь...

...луна...

...фонарь луны...

...какое-то стихотворение...

...ведь стихи мне читал...

...без цветов...»

Алиса глянула на часы — двадцать минут, как зашли в квартиру:

«Раньше мы бы уже кувыркались...

...трусы потом не найдешь...

...разгорайся, моя маленькая, — прочь этот закат...

...не из-за денег же...

...ведь мы не жадные...

...уже бы кувыркались...

...может, зря я?..

...зря?»

Алиса обернулась к Алику, но кто-то словно довернул ее: встав спиной к окну, она вперилась в свою тень на противоположной стене — закат и фонарь рисовали ее мрачно-розовой. Тень отвернулась.

Из крана капала вода.

«Вот так по капле... — дрожали мысли, — блин...

...молодец...

...все взвалил на меня...

...молодец, Алик...

...дебил...»

Она вернулась за стол, села, обхватила голову руками:

«Не могу, Алик...

...зачем ты все портишь?»

Теперь он стал прохаживаться медленно — на исходе терпения. Снова звякнуло СМС.

— Ответь. Ведь ждут... ждать утомительно.

— Ха-ха, — пробурчала Алиса.

— Нет, правда — ответь.

— Я решу. Ты так помогаешь мне? Я жду, я жду — это, типа, твоя помощь?

— А должен?

— Было бы неплохо. Ведь это нас касается.

— Нас?! — Удивленно хмыкнул. — Сколько я звонил, сколько писал, звал тебя... Даже не перезваниваешь.

— Мне сложно объяснить, Алик.

— Перезвонить, просто позвонить — минута времени. Я что, из тех, с кем разговор не закончишь?

— Ты из тех, с кем не начнешь.

— А... Уже есть с кем сравнивать?

— Дебил.

— Весь «Фейсбук» заполонила. Прям жизнь поперла.

— Мне извиняться надо?

— Объяснить! Просто объяснить! Я че, на горло тебе наступал? Я с подругами запрещал тусить? Мы в кино не ходили? Не гуляли? Не бухали? Что было не так? Объясни. Скажи — разлюбила. Че голову морочить? Кто-то из нас должен понимать, что происходит.

— Должна.

— Не верю, что из-за того... Ты поняла — что я согласился. Не из-за бабок это! Как разъехались — вообще не знаю, что с тобой. Алиса, как ты? Алиса, что с анализами?.. Ни слова... В чем я провинился? Два месяца назад был рядом — водил тебя по врачам, ходил твою мочу сдавать... По аптекам бегал. И все — уволили. Как вещи собрал — пустота. Сказала бы сразу — до свиданья. Нет. На поводке держишь.

— Нет.

— Потому и «Фейсбук» заполонила, чтоб я видел.

— Нет.

— Врала мне.

— Нет.

— Врала, я знаю.

— Я устала.

— Я тоже. Решай, у тебя было время.

— Алик, приезжай завтра.

— Никаких завтра. Что изменится?

— Пожалуйста, давай завтра.

— Сейчас! Или я ухожу. Скажи просто — ты хочешь расстаться?

Он стоял у окна, спиной к Алисе. Изумился, что сам призвал злое слово.

Алиса уставилась в скатерть — ладони оттягивали веки, пальцы заползли в волосы. Где-то, теряясь в ненастье, вилась светлая нить, но ухватить ее Алиса отчаялась и, чтоб не длить муку, сдалась — согласилась:

— Знаешь, да.

Алик выпрямился. Он смотрел на фонарь и ненавидел его, и ненавидел качели на детской площадке, и ржущих подростков с колонкой, и...

Вдруг кухня ожила волшебным голубым мерцанием, потеснившим розовый тон фонаря и заката.

«Луна рождается!» — мелькнуло у Алисы, и она поглядела на Алика, застывшего у окна — его окатывали голубые волны. Огонь из него вышел — остался стоять тот простой, по-прежнему любимый...

Алик ненавидел изгиб дороги, урны, мать, катящую коляску, мужика со спаниелем и скорую, подкатившую к подъезду с синей слепящей мигалкой. Он ничего не слышал, голова налилась... Зачем? Зачем она...

Решила подойти тихо-тихо. Тогда, когда он шел за ней с цветами, она все испортила, а сейчас все исправит — подойдет, обнимет, исправит, все-все...

Ненавидел. И эту вазу перед ним — лживый хрустальный блеск — с него и началось. Если можно измерить длину мысли — эта была с микрон: Алик схватил вазу и, поворотом добавляя размаха, метнул в стену против окна — туда, где темнела его тень. Алиса успела встать из-за стола и сделать к окну два шага, когда хрусталь глухим ударом откинул назад ее голову. Как хрустнула кость,

не услышали ни Алиса, ни Алик, но даже водитель скорой, вышедший размяться после часовой пробки, различил звон из низких окон и, прикуривая, заключил:

— Вдребезги.

* * *

Адвокат, как хорошее вино, был немолодым, сухим и даже на вид кислым. Его нахваливали, но Алик избегал смотреть в это вытянутое высоколобое лицо почти без морщин. Тот скоро ушел, пожав руку не крепко, не вяло, а как следовало. Он все ж оставил в душе чуть покоя, но, давая дорогу медсестре, брезгливо глянул на шприц в ее руке, и покой скис.

Укол подоспел вовремя: уж подступало — нервы так и крутили. От удара ногтем пузырьки завились; выжав на кончике иглы прозрачную каплю, медсестра велела Алику лечь. Уходя, сообщила:

— Следующий укол вечером, по плану еще три — давайте, приходите в себя.

Стены, до половины зеленые, тускло стыли в бесчисленных царапинах имен и дат, точно в наколках. На правой, если лицом к двери, косо висел квадрат света, расчерченный таблицей прутьев.

Успокоительное растеклось по спине теплом, омыло затылок; можно было дышать без дрожи в груди. Но память неотвязно жгла и сквозь дурман укола: живо, как три дня назад, горел фонарь, тлел закат... Алик видел качели, изгиб дороги, мать с коляской, мужика со спаниелем, но все сквозь слепящую синюю мигалку. Позади, справа, капала вода; слева, из сумки Алисы, звякало СМС.

Вчера следствие установило, что Алиса выздоровела: нашли анализы, а Алик назвал клинику и врача — Гиппократ не дурил, снял печати. Финальное посещение клиники датировалось тем самым днем — последним для Алисы.

Капнуло.

Первым признаком, что успокоительное отпускает, был ее голос — издалека, точно в телефонной трубке:

«Это, типа, твоя помощь?..

...ведь это нас касается...

...мне извиняться надо?..

...дебил...

...пожалуйста, завтра...

...знаешь...

...да...»

Одно вызывало на лице Алика улыбку — тонкую, нехорошую. Адвокат сообщил самым сдержанным тоном в начале беседы: он берется за дело лишь при полной предоплате, и никакой валюты. Означенной суммы вполне хватало на хороший внедорожник. И Алик, хоть удерживал себя, — улыбался.